

Личн. гал. 4 июля 1979 г. ЛИТЕР

Москва. Мясницкая. Государственные свободные художественные мастерские, в дальнейшем ВХУТЕМАС. Живописный факультет. Мастерские Архипова, Кончаловского, Осмеркина, Машнова, Келина. 1917 год, восемнадцатый, девятнадцатый, двадцатый. Голодные, холодные годы. Молодые, горячие, страстные. Мы, студенты ВХУТЕМАСа, в полушубках и ватниках пишем обнаженную натуру. Натурщица стоит у раскаленной печурки. Дрова пилим в Химках, разбираем старые дома на Мещанской. Везем на санках с хохотом и песнями. Вечером диспуты. Каменский читает «Паровозную литургию», Мейерхольд поставил

«Зори». В окнах РОСТА — плакаты Маяковского. В Политехническом музее нагромождение Луначарский и священник Введенский выслушивают, есть ли бог. Ясно, что нет. В общежитии студентов приходил Ленин. Утром об этом событии гудит весь ВХУТЕМАС.

Вспоминаю: круглолицый мальчик вскричал на табуретку и кричит: «Кто там шагает правой?левой!левой!левой!» Он студент мастерской Машнова, зовут его Андрей. Андрей Гончаров. Ему пятнадцать лет, а живопись у него настоящая и горячая, как он сам.

Удивительные, неповторимые годы. Императива всей жизни страны — слово «бу-

дет». Да, сейчас и холодно, и голодно. Да, сейчас вокруг враги. Колчак, Деникин, Врангель, Махно... И все-таки будет Советская власть во всей стране, будет электрификация во всей стране, будет великодушное искусство во всей стране. Будет, будет, будет!

Двадцать первый год. Рождественка. Графический факультет. Мастерская Фаворского. Ксилография. Режим деревянную гравюру. Позирует старушка. В ее лицо вглядываются Вильямс, Пименов, Дейнека, Андрей Гончаров. Ему уже восемнадцать. Кто же тогда знал, что и Пименов, и Дейнека, и Вильямс, и Гончаров станут знаменитыми художниками, гор-

достью нашей страны, будут народными, профессорами, членами Академии художеств? Это великие ленинские годы, это слово «будет» зарядило энергией их таланты. Это благородство и мастерство их руководителей отшлифовало их искусство.

Владимир Андреевич Фаворский для нас, его учеников, стал учителем жизни. Мы были едины в этом ощущении и, вероятно, поэтому так дружны между собой. Днем в мастерской Фаворского, по вечерам дома у Гончарова встречаемся не для споров, а скорее для радостного единения. Событий-то в искусстве было много: Малковский, Есенин, Айседора Дункан.

«Великодушный рогоносец» у Мейерхольда, «Лизистрата» в Музыкальной студии МКХАТ, «Турандот» у Вахтангова.

Годы нашей дружбы я вспоминаю как удивительные страницы прочитанной книги. Нет уже на свете ни Дейнеки, ни Пименова, ни Вильямса. Недавно дочиталась последняя страница. Умер Андрей Гончаров. Народный художник республики, профессор. Это большое горе для его семьи и его друзей. Это большая потеря для советского искусства. Но долго, очень долго будет жить Гончаров, раскрываясь в творчестве сотен своих учеников — студентов Ленинградского ВХУТЕИНа, Московского института изобразительного искусства,

Полиграфического института. Для них он был таким же учителем жизни, каким для нас был Фаворский. И многие многие годы Гончаров будет живым, проникающим в человеческие сердца, радующим, удивляющим тех, кто встретится с созданными им великолепными строгими, мудрыми гравюрами, пластически раскрывающими произведения Шекспира, Лопе де Вега, Сервантеса. Сухово-Кобылина, Достоевского, Тургенева, Гоголя.

А посетители картинных галерей встретятся с живописью Гончарова. Она совсем непохожа на его графику, но и она великолепна. Предельная обобщенность формы

и удивительная свобода цвета. Пожалуй, основное ощущение от его портретов, пейзажей, натюрмортов — это ощущение счастья. Горькая, оптимистическая живопись. Я люблю и восхищаюсь ею не меньше, чем гончаровской графикой.

Счастье. Человеческое счастье. Жизнеутверждение. Это сущность искусства Гончарова. Он прожил долгую жизнь, сплошь заполненную творческим трудом. Он органически ощущал нужность этого труда и, значит, был счастлив, потому что нет для человека большего счастья, чем ощущение нужности людям.

Сергей ОБРАЗЦОВ